

М. ГОРЬКИЙ

Жил-был самовар...

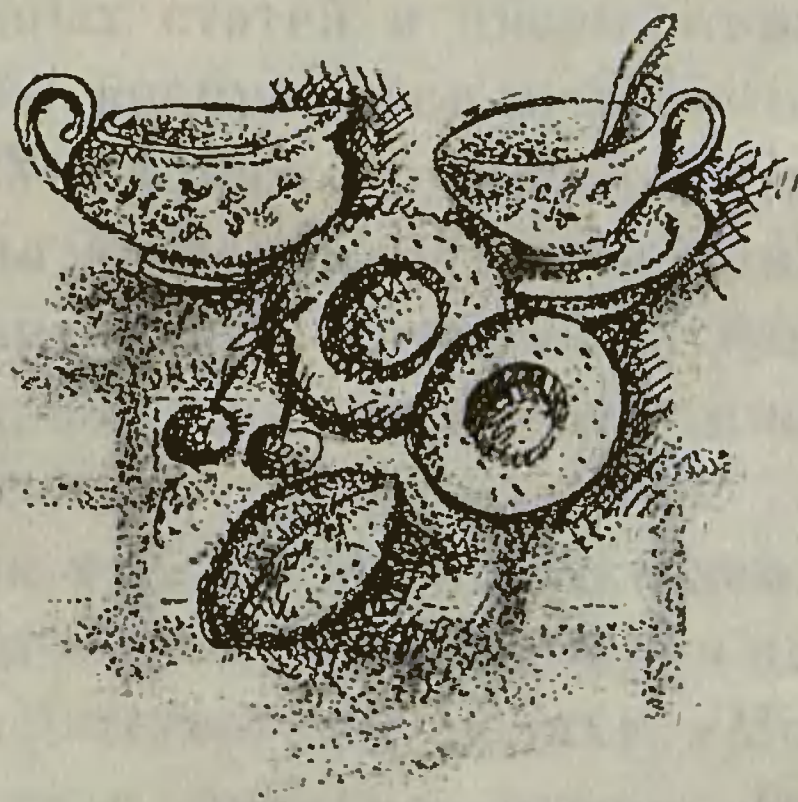
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

М. ГОРЬКИЙ

Жил-был самовар...

Рассказы,
сказки

Рисунки Л.Тарлызов

МОСКВА — «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» — 1985

P2
Г71

Составление и вступительная статья
ВЛАДИМИРА ПРИХОДЬКО

Г 4803010101—039 225—85
M101(03)85

© Иллюстрации, состав, вступит. статья.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1975 г.

695036 Кр пер
Российская государственная
детская библиотека

«Милый Максим Горький... пришли мне сказку...»

И как это бывает, спросите вы, что взрослый писатель вдруг ни с того ни с сего садится писать для маленьких — ну вот как Горький?

Да, всё собранное в этой книжке великий русский писатель Алексéй Макси́мович Го́рький написал для детей. Но разве вышло это вдруг, ни с того ни с сего?

Извéстно, что Го́рький сде́лал для детей о́чень мно́го хоро́шего: организовáл пёрвое в мíре специа́льное дётское издáтельство и пёрвый советский журнал для ребят; написал немáло замечáтельных статей и писем, призывáл детей «всё видеть, всё изучáть, вооружáться знáниями и не брезговать ника́ким трудóм». Учил жить дру́жно, работáть вéсело, учить-ся крéпко. Посылáл незнако́мым дётям кни́ги, тетра́ди, ма́рки, откры́тки, карандаши́; устраи́вал ёлки, катки́. Поддёрживал и поощря́л мно́гих дётских писáтелей, писал о дётской литератúре.

Сам он был, как ужé скáзано, писáтелем взрослым. И всё же мы находим у него произведения и для детей. Автобиографические повести «Дётство», «В людях», «Мой университет» давно прочно вошли в школьное чтéние. О тяжёлой судьбе детей старóй Росси́и Го́рький написал рассказы «Дед Архип и Лёнька», «Сиротá», «Встря́ска», «Нищенка». Полны дётскости и вёры в бóдущее его «Скáзки об Ита́лии».

Все эти произведения, скажете вы, не́ были написаны специа́льно для ребят. Вёрно, не́ были. Не дошкольники, не младшие школьники чита́ют их, а ребята постáрше. И с этим нельзя́ не согласи́ться.

Но вот остроумные стихи об итальянской зиме; их Горький послал своему маленькому сыну Максиму:

«Каждый день — дожди и бури!
В белой пене весь залив,
Воют стаи злобных фурий,
Горы снегом посалив.
Погибаю от озноба,
Я готов в Везувий сесть!
И — мечтаю: хорошо бы
Завтра утром — солнце съесть!
Но — затем ли от природы
Рот и зубы мне даны,
Чтоб лишил я все народы
Солнца, света и весны?»

А это — письмо маленьким внучкам Марфе и Дарье:

«Дорогие мои дети!
Очень трудно жить на свете!
Всюду — папы или мамы,
Непослушны и упрямы.
Ходят бабушки и деды
И рычат как людоеды.
И куда вы ни пойдёте —
Всюду дяди или тети.
И везде учителя
Ходят, взоры веселя.
Ходят, кашляют — следят:
Кто бойчее из ребят?
А заметят: мальчик боек,
Так ему наставят двоек.
На носá надéв очки,
Смотрят: где тут девочки?»

И, шага́я, как верблю́ды,
Ста́вят де́вочкам «неу́ды».
Дороги́е мой де́ти!
Тяжелы́ порядки э́ти!»

Стихи́ сы́ну и вну́чкам, ска́жете вы, — понятнó. Го́рький сы́на люби́л; когда́ разлуча́лся с ним, писа́л ему́ пи́сьма. А что́бы ма́льчика развлéчь, да́же стихи́ сочини́л. И с вну́чками то́же всё я́сно. Появи́лись вну́чки, Го́рький и им написа́л весёлое послáние. Писáтель он был замечáтельный, вот и послáние мило́м девчу́ркам, девчурáшкам, девчурёнкам, девчуго́нам, девчурóхам, девчу́гам (так ла́сково называ́л их де́душка) получи́лось чудéсное, смешно́е. А расска́зы и ска́зки? Почему́ Го́рькому пришло́ на ум сочини́ть их?

И ве́рно — почему́?

Ока́зывается, у его́ расска́зов для дете́й есть своя́ исто́рия. Она́ то́же как расска́з. Всё в э́том расска́зе пра́вда.

Бы́ло так.

На ю́ге Ита́лии произошло́ землетрясе́ние. Это случи́лось 15 декаб́ря 1908 го́да. В шестóм часу́ утра́, все ещё крéпко спа́ли, — тут и началóсь. Че́рез не́сколько мину́т го́род Мессина́ уже́ лежа́л в разва́линах. От подзе́мных толчко́в Мессине́ и пре́жде доставáлось, но сейча́с го́род пострада́л о́собенно си́льно. Да́же бо́льше, чем во вре́мя изве́стного землетрясе́ния 1783 го́да. Ты́сячи люди́й поги́бли. А ра́неных нельзя́ бы́ло и сосчита́ть.

Мессина́ — порт. Все суда́, находя́вшиеся побли́зости, подплы́ли к бе́регу. Ста́ли на я́корь и ру́сские корабли — «Богаты́рь», «Сла́ва», «Адмира́л Мака́ров». Риску́я жи́знию, матро́сы ста́ли спаса́ть жи́телей го́рода.

Нау́тро в Мессину́ прие́хал Го́рький. Он жил в ту по́ру неподалёку, на о́строве Ка́при. Рабо́тал там и лечи́лся.

Ужасная картина человеческого бедствия не могла оставить равнодушным Алексея Максимовича. Взволновал его и героизм тех, кто помогал пострадавшим.

«Нет слов, чтобы рассказать, — писал Горький, — с каким самоотвержением работали русские матросы. Где только было опаснее всего, куда никто не решался идти, они шли и спокойно делали своё дело... Удивительно трогательно относились они к детям и женщинам».

«А что я могу сделать для пострадавших? — думал писатель. — Они нуждаются в лекарствах, одежде, деньгах. Им надо строить новые дома, чтобы жить дальше».

В руках Горького было могучее оружие — слово. Его книги разошлись по свету. Читатели в разных странах прислушивались к горьковскому слову. Они знали: он любит людей и желает им добра. И Горький обратился ко всему миру: придите на помощь Италии. Люди откликнулись на его призыв. В Мессину стали посылать деньги и вещи. Многие добровольные пожертвования приходили в адрес Горького.

Однажды из России прибыли деньги и письмо, написанное детским почерком. Горький прочитал письмо. Неизвестные ему малыши из Байлова (предместье Баку) писали: «Пожалуйста, передайте наши деньги... писателю Максиму Горькому для мессинцев». Письмо было подписано: «Школа шалунов».

Откуда же эти шалуны взяли деньги? Они заработали их сами! Поставили спектакль, а билеты распродали взрослым. Детями руководила Алиса Ивановна Радченко, хорошая, умная учительница, впоследствии работавшая и дружившая с Надеждой Константиновной Крупской.

В конверте была фотография двенадцати участников представления.

Горький ответил:

«Дорогие дети!

Я получил собранные вами деньги для мессинцев и сердечно благодарю вас за всех, кому вы помогли.

От души желаю для вас, хорошие маленькие люди, — будьте всю жизнь так же чутки и отзывчивы к чужому горю, как были вы в этом случае.

Лучшее наслаждение, самая высокая радость жизни — чувствовать себя нужным и близким людям!

Это — правда, не забывайте её, и она даст вам неизмеримое счастье.

Вас 12; — на память об Италии, прекрасной стране, которую я желаю вам увидеть когда-либо, — посылаю вам дюжину открыток.

Будьте здоровы, любите друг друга и — побольше делайте шалостей, — когда будете старичками и старушками — станете с весёлым смехом вспоминать о шалостях.

Крепко жму ваши лапки, да будут они честны и сильны по вся дни жизни вашей!..»

Тогда дети из «Школы шалунов» — Боря, Витя, Гюнт, Дима, Фёдя, Джеффри, Жёня, Ирена, Лёна, Лиза, Мёма, Мёра, Нора, Павел и Эльза — прислали Горькому по письму.

В письме шестилётнего Фёди говорилось: «У нас в школе есть 3 главных шалуна: Джеффри, Боря и Фёдя. Притом я большой линтяй».

Джеффри написал ещё короче: «Я упал в бассейн. Ура!» — и проиллюстрировал своё сообщение рисунком.

А Боря написал: «Дядя Алёша! Я тебя люблю, есть ли у тебя лошадь, корова и бык? Напиши нам рассказ про воробьишку. И ещё напиши нам какой-нибудь выдуманный рассказ, чтобы мальчик удил рыбу. Я тебя целую... Я бы хотел тебя увидеть».

Горький и на этот раз не оставил без ответа письма

своих маленьких друзей, только пожурил шестилетнего Фёду, что он вместо «лентяй» написал «линтяй». Во втором письме шалунам он признавался:

«Я очень люблю играть с детьми, это старая моя привычка, маленький, лет десяти, я нянчил своего братишку... потом нянчил ещё двух ребят; и, наконец, когда мне было лет 20 — я собирал по праздникам ребятёшек со всей улицы, на которой жил, и уходил с ними в лес на целый день, с утра до вечера.

Это было славно, знаете ли! Детей собиралось до 60, они были маленькие, лет от четырёх и не старше десяти; бегая по лесу, они часто, бывало, не могли уже идти домой пешком. Ну, у меня для этого было сделано такое кресло, я привязывал его на спину и на плечи себе, в него садились уставшие, и я их превосходно тащил по полю домой. Чудесно!»

Дети были в восторге от горьковских писем. «Дорогой мой Горький! — писала Нора. — Письмо твоё очень ласковое. Мама и папа тебя любят, и я тоже. ...Я девочка, но я надеваю мальчишистое платье, так мне удобно». Лиза спрашивала: «Как выживаете? Что делают мессинцы?» Витя интересовался природой: «Есть ли в море, которое окружает Капри, губки? Сколько в Капри вдоль и поперёк вёрст? Как называется море, окружающее Капри?» Семилетний Павка писал: «Миленький Максимушка Горький! Чтобы порадовать тебя, посылаю тебе письмишко. Я очень люблю читать и, возвратясь из школы, где мне очень весело, сажусь за книгу. Я читаю про всякие растения и животные, их жизнь очень интересна. Ты писал нам, что мы все курносые, а я видел твою карточку, на ней ты сам курносый, чему я очень рад».

А Горький говорил, что, получив письма детей, он «хо-

хотал от радости так, что все рыбы высунули носы из воды — в чём дело?».

Но самое интересное, что Горький выполнил просьбу мальчика (одного из трёх главных шалунов): написал и про воробьишку, и про юного рыболова!

В рассказе про воробьишку всё будто бы просто. Маленький Пудик не хотел слушаться родителей и чуть не попал кошке в лапы. Что же выходит: слушайтесь маму и папу и всё будет в порядке? Так, да не совсем. Горький вовсе не бранит Пудика, а симпатизирует ему. Благодаря своей дерзости птенец научился летать. И на осуждающее мамино «что, что?» (видишь, мол, что бывает, если не слушаться?) птенец отвечает убедительно и мудро: «Всему сразу не научишься!» Мама-воробьиха поплатилась за самостоятельность Пудика собственным хвостом. Да, бывает и так.

А про рыболова — «выдуманый» рассказ. Мальчик Евсейка чудесным образом попадает на морское дно, разговаривает с рыбами. Правда, потом мы узнаём, что Евсею всё это приснилось в душный дремотный день, но это не мешает перечитывать и переживать чудеса заново.

Обратите внимание: в каждом рассказе есть стихи. Какую забавную дразнилку придумал для «бескрылого человека» Пудик! А так рыбы дразнят рака:

«Под камнями рак живёт,
Рыбий хвостик рак жуёт,
Рыбий хвостик очень сух,
Рак не знает вкуса мух».

Они, как бы между прочим, «агитируют» рака заняться мухами, а рыб оставить в покое...

Евсейка, глядя на рака, тоже вспоминает стихи: «Дом, — не тележка у дядюшки Якова...» Это первая строка стихотво-

рѣнія Некрасова про сельскаго торговца: как рак со своей раковиной, он ѣздил по деревням с тележкой.

Из письма шалунам ясно, как была написана исторія с самоваром.

«Я хотя и не очень молод, — лукаво замечал Горький, — но не скучный парень, и умею недурно показывать, что делается с самоваром, в который положили горячих углей и забыли налить воду».

Видно, Горький придумал эту исторію во время встреч с детьми. И в концѣ концов записал её.

Воробьишко Пудик любил прихвастнуть. Но до самовара ему далеко. Вот это хвастун! Всякую меру забыл. И в окошко он выпрыгнет, и на лунѣ жѣнится, и обязанности солнца на себя возьмёт!

Хвастовство до добра не доводит. Самовар разваливается на куски: воду-то в него налить забыли. Чашки радуются бесславной гибели хвастуна самоварко, и читателям весело.

Посылая «Самовар» детям своей знакомой, Горький сообщал им, что написал его «собственноручно и нарочно» для

«Таты, Лели и Бобы,

чтобы

они любили меня,

потому что

хотя

я

человек невидимый,

но могу писать

разные рассказы

о тараканах,

самоварах,

дедушках домовых,

слонáх

и прóчих насекомых.

Да!..»

Скáзку про úтро Гóрький тóже написáл по прóсьбе ребёнка.

В 1910 годú умер великий писáтель Лев Николаевич Толстóй. Эту грустную вестъ услýшал мáльчик Илюша Фрэнкель. Илюша прóжил на землѣ семь лет и ещё не задúмывался над тем, что писáтели — тóже лúди и, как все лúди, смёртны. Он спросил у отцá:

— А Пúшкин, Некрáсов, Лѣрмонтов, Крылóв, Тургѣнев — все ужѣ умерли? Знáчит, никто не остáлся?

Мáльчику рассказáли о Гóрьком. На другóй день он написáл Гóрькому письмó:

«Милый Максím Гóрький, все писáтели умерли, ты оди́н живóй. Пришли́ мне скáзку и письмó. Целúю тебá. Твой Илюша. Мой áдрес: Екатеринбург, Клубная ул., № 8».

Чѣрез две или три недѣли пришёл пакѣт для Илюши. Гóрький писáл:

«Дорогóй мой Илюша!

Да, Толстóй человек — умер, но великий писáтель — жив. он — навсегда с нáми. Чѣрез нѣсколько лет, когда ты бúдешь постáрше и сам начнёшь читáть прекрасные кнйги Толстóго, ты, милый мáльчик, с глубóкой рáдостью почувствуешь, что Толстóй — бессмёртен, он — с тобóй, и вот — дáрит тебѣ часы наслаждѣния егó искúсством.

А ещё, Илюша, есть превосходнейший писáтель Владíмир Королѣнко, и я советúю тебѣ: попроси́ пáпу, пусть он прочитáет вслух для тебá мáленький рассказ Королѣнко «Стáрый звонáрь».

Благодарю тебá за письмó, посылаю тебѣ скáзку, как ты просил, и нѣсколько открýток с вíдами Кáпри».

Этой сказкой, славящей детство, и было «Утро». Детство — утро жизни, оно быстро проходит, давайте его ценить, говорил Горький.

А в рассказе про мальчика Мишу, тоже включённом в эту книжку, он советовал всем, а особенно мамам и папам, относиться к детям понежней, повнимательней.

Сказку про Иванушку-дурачка Горький в детстве слышал от бабушки. Он по-своему пересказал её для «Ёлки» — одной из первых советских книг для детей. Иванушка получился у Горького развесёлым шутником: «что ни сделает, всё у него смешно выходит...» Наверно, он просто прикинулся дурачком, чтоб веселее было. После каждой его шутки смеются даже суровые лесные великаны — медведи. И вскоре медведица, точно крестьянка, по-домашнему просит мужа: «Миша, ты бы помог ему!»

Сам Иванушка убеждён, что глупость непременно связана со злом. Чтобы узнать, умён ли медведь, Иванушка выясняет у него:

«— Ты — злой?»

— Нет. Зачем?

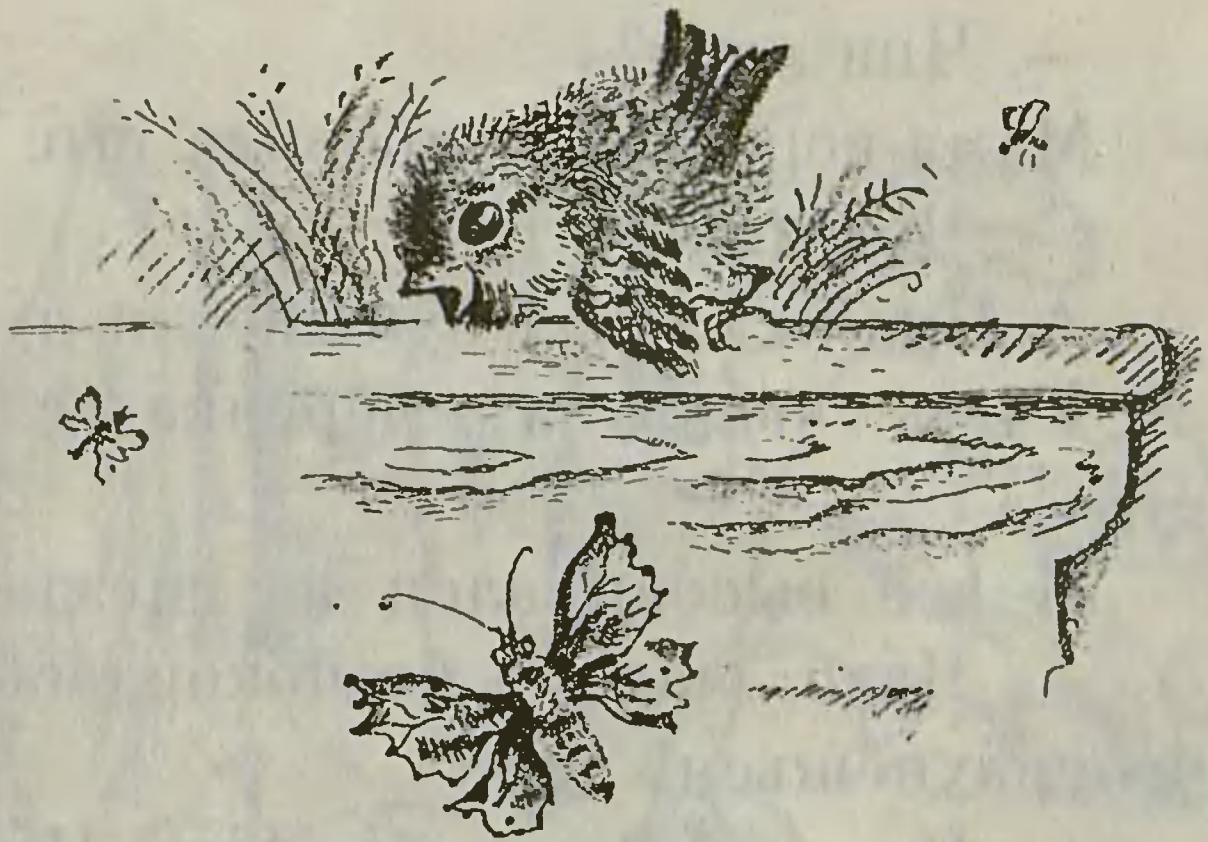
— А по-моему — кто зол, тот и глуп. Я вот тоже не злой. Стало быть, оба мы с тобой не дураки будем.

— Ишь ты, как вывел! — удивился медведь».

Горький знал цену настоящей, умной доброте. Его расстрогал поступок байловских ребят, и то, что семилетний мальчик задумался о смерти гения России, испугался остаться без писателей. И Горький отблагодарил хороших маленьких людей так, как мог отблагодарить только он.

И вы — те, кто сейчас держит в руках эту книжку и радуется ей, — должны знать: это его подарок малышам — за чуткость и отзывчивость.

Владимир Приходько

ВОРОБЬИШКО

У воробьёв совсём так же, как у людей: взрósлые воробь́и и воробь́ихи — пичу́жки скучные и обо всём говорят, как в кни́жках напи́сано, а молодёжь — живёт своим умом.

Жил-был желторотый воробей, звали его Пудик, а жил он над окошком бани, за верхним наличником, в тёплом гнезде из пакли, моховинок и других мягких материалов. Летать он ещё не пробовал, но уже крыльями махал и всё выглядывал из гнезда: хотелось поскорее узнать, что такое божий мир и годится ли он для него?

— Что, что? — спрашивала его воробьи́ха-ма́ма. Он потряхивал крыльями и, глядя на зёмлю, чирикал:

— Чересчур чёрна́, чересчур!

Прилетал папáша, приносил букашек Пуди́ку и хва́стался:

— Чив ли я?

Ма́ма-воробьи́ха одобря́ла его́:

— Чив-чив!

А Пу́дик глотáл бука́шек и думáл:

«Чем чва́няются — червяка́ с но́жками да́ли — чу́до!»

И всё высóвывался из гнезда́, всё разгля́дывал.

— Ча́до, ча́до, — беспоко́илась мать, — смотри́ — чебура́хнешься!

— Чем, чем? — спра́шивал Пу́дик.

— Да не чем, а упаде́шь на зе́млю, ко́шка — чик! и — сло́нает! — объясня́л оте́ц, улетáя на охóту.

Так всё и шло, а крýлья расти́ не торопи́лись.

Поду́л одна́жды ве́тер — Пу́дик спра́шивает:

— Что, что?

— Ве́тер ду́нет на тебя́ — чирк! и сбросит на зе́млю — ко́шке! — объясни́ла мать.

Это не понра́вилось Пу́дику, он и сказа́л:

— А заче́м дере́вья кача́ются? Пусть перестáнут, тогда́ ве́тра не бу́дет...

Про́бовала мать объясни́ть ему́, что это не так, но он не пове́рил — он люби́л объясня́ть всё по-сво́ему.

Иде́т ми́мо ба́ни мужи́к, маха́ет рука́ми.

— Чи́сто крýлья ему́ оборвала́ ко́шка, — сказа́л Пу́дик, — одни́ ко́сточки оста́лись!

— Это челове́к, они́ все бескры́лые! — сказа́ла воробьи́ха.

— Почему́?

— У них такой чин, чтобы жить без крыльев, они всегда на ногах прыгают, чу?

— Зачем?

— Будь-ка у них крылья, так они бы и ловили нас, как мы с папой мошек...

— Чушь! — сказал Пудик. — Чушь, чепуха! Все должны иметь крылья. Чать, на земле хуже, чем в воздухе!.. Когда я вырасту большой, я сделаю, чтобы все летали.

Пудик не верил маме; он ещё не знал, что если маме не верить, это плохо кончится.

Он сидел на самом краю гнезда и во всё горло распевал стихи собственного сочинения:

Эх, бескрылый человек,
У тебя две ножки,
Хоть и очень ты велик,
Едят тебя мошки!
А я маленький совсем,
Зато сам мошек ем.

Пел, пел да и вывалился из гнезда, а воробья за ним, а кошка — рыжая, зелёные глаза — тут как тут.

Испугался Пудик, растопырил крылья, качается на сереньких ногах и чирькает:

— Честь имею, имею честь...

А воробья отталкивает его в сторону, перья у неё дёбом встали — страшная, храбрая, клюв раскрыла — в глаз кошке целит.

— Прочь, прочь! Летí, Пúдик, летí на окно́, летí...

Страх припóднял с земли воробьíшку, он подпры́гнул, замахáл крýльями — раз, раз, и — на окне́!

Тут и ма́ма подлетéла — без хвоста́, но в большо́й ра́дости, сéла рядом с ним, клю́нула его́ в заты́лок и говорíт:

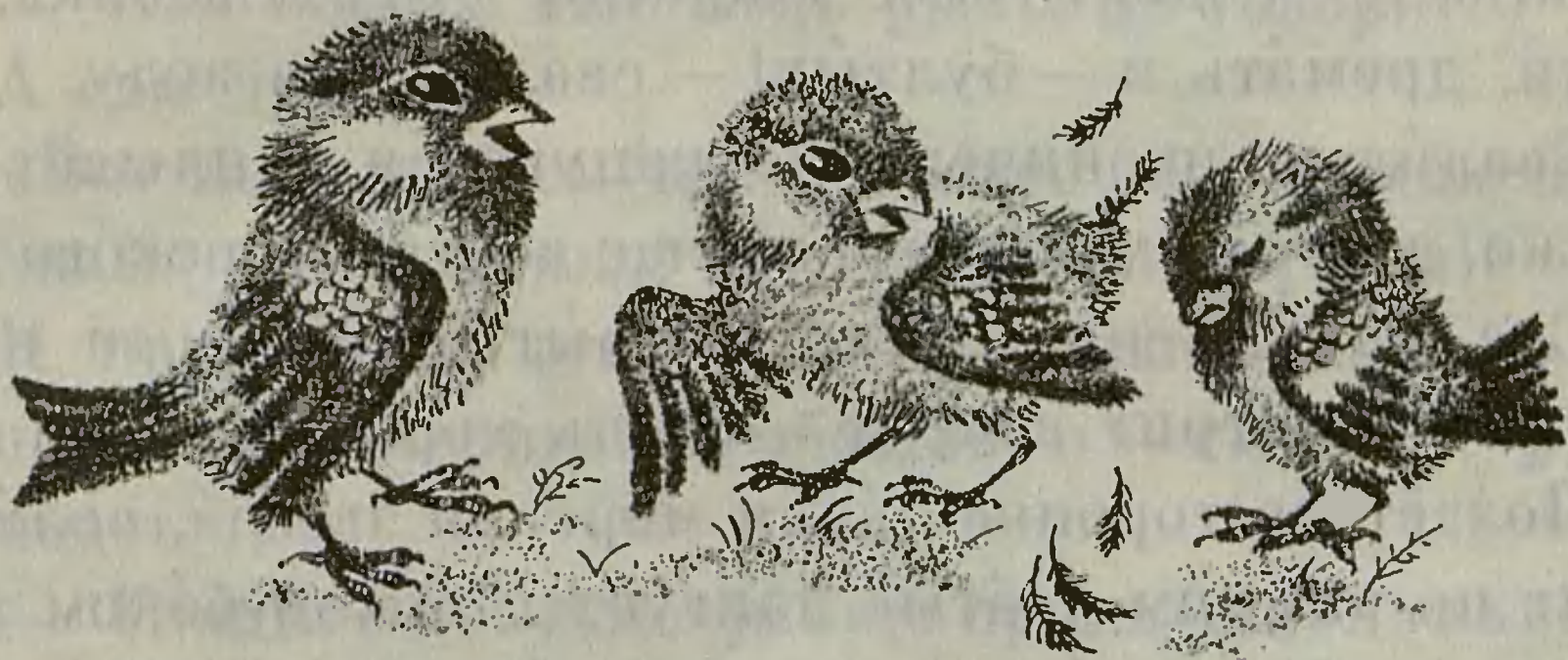
— Что, что?

— Ну что ж! — сказа́л Пúдик. — Всемú срáзу не наúчишься!

А ко́шка сидíт на земле, счищáя с ла́пы воробьíхины пéрья, смóтрит на них — ры́жая, зелёные гла́за — и сожалíтельно мя́кает:

— Мя-аконький такой ворóбушек, слóвно мы́шка... мя-увы...

И всё ко́нчилось благополúчно, е́сли забы́ть о том, что ма́ма оста́лась без хвоста́...

695036

Российская государственная
детская библиотека

СЛУЧАЙ С ЕВСЕЙКОЙ

Однажды маленький мальчик Евсейка, — очень хороший человек! — сидя на берегу моря, удил рыбу.

Это очень скучное дело, если рыба, капризная, не клюёт. А день был жаркий; стал Евсейка, со скуки, дремать и — бултых! — свалился в воду.

Свалился, но ничего, не испугался и плывёт тихонько, а потом нырнул и тотчас достиг морского дна.

Сел на камень, мягко покрытый рыжими водорослями, смотрит вокруг — очень хорошо!

Ползёт не торопясь алая морская звезда, солидно ходят по камням усатые лангусты, боком-боком двигается краб; везде на камнях, точно крупные вишни, рассеяны актинии, и всюду множество всяких

любопытных штук: вот цветут-качаются морские лилии, мелькают, точно мухи, быстрые креветки, вот тащится морская черепаха, и над её тяжёлым щитом играют две маленькие зелёные рыбки, совсем как бабочки в воздухе, и вот по белым камням везёт свою раковину рак-отшельник. Евсейка, глядя на него, даже стих вспомнил:

Дом, — не тележка у дядюшки Якова...

И вдруг, слышит, над головою у него точно кларнет запищал:

— Вы кто такой?

Смотрит — над головою у него огромнейшая рыба в сизо-серебряной чешуе, выпучила глаза и, оскалив зубы, приятно улыбается, точно её уже зажарили и она лежит на блюде среди стола.

— Это вы говорите? — спросил Евсей.

— Я-а...

Удивился Евсейка и сердито спрашивает:

— Как же это вы? Ведь рыбы не говорят!

А сам думает:

«Вот так раз! Немецкий я вообще не понимаю, а рыбий язык сразу понял! Ух, какой молодчина!»

И, приосанясь, оглядывается: плавает вокруг него разноцветная игривая рыбка и — смеётся, разговаривает:

— Смотрите-ко! Вот чудище приплыло: два хвоста!

— Чешуй — нет, фи!

— И плавников только два!

Некоторые, побойчее, подплыва́ют прямо к носу и дразнятся:

— Хоро́ш-хоро́ш!

Евсёйка обиделся: «Вот наха́лки! Бúдто не понима́ют, что пред ними настоя́щий челове́к...»

И хóчет пойма́ть их, а они́, уплыва́я из-под рук, резвя́тся, толка́ют друг дру́га носáми в бока́ и пою́т хóром, дразня́ большо́го ра́ка:

Под камня́ми рак живёт,
Ры́бий хвóстик рак жуёт.
Ры́бий хвóстик о́чень сух,
Рак не зна́ет вку́са мух.

А он, свирёпо шевеля́ уса́ми, ворчи́т, вытя́гивая клешни́:

— Попада́йтесь-ка мне, я вам остригú языки́-то!
«Серьёзный како́й», — подúмал Евсёйка.

Больша́я же ры́ба пристаёт к нему́:

— Отку́да э́то вы взя́ли, что все ры́бы — неме́ые?

— Па́па сказа́л.

— Что тако́е — па́па?

— Так себе́... Вро́де меня́, то́лько — побóльше, и усы́ у него́. Если не се́рдится, то о́чень ми́лый...

— А он ры́бу ест?

Тут Евсёйка испуга́лся: скажи́-ка ей, что ест! Поднял глаза́ вверх, ви́дит сквозь во́ду му́тно-зеле́ное не́бо и со́лнце в нём, жёлтое, как ме́дный подно́с; подúмал ма́льчик и сказа́л неправду:

— Нет, он не ест ры́бы, костля́вая о́чень...

— Одна́ко — како́е неве́жество! — оби́женно вскрича́ла ры́ба. — Не все же мы костля́вые! Напри-
ме́р — моё семе́йство...

«На́до перемене́ть разгово́р», — сообрази́л Евсе́й и ве́жливо спра́шивает:

— Вы быва́ли у нас наверху́?

— Очень ну́жно! — сердито́ фы́ркнула ры́ба. — Там дыша́ть не́чем...

— Зато́ — му́хи какие́...

Ры́ба оплыла́ вокру́г него́, остано́вилась пра́мо про́тив но́са да вдруг и говори́т:

— М-ух-хи? А вы заче́м сюда́ приплы́ли?

«Ну, начина́ется! — подумал Евсе́йка. — Съест она́ меня́, ду́ра!»

И, бу́дто бы беззабо́тно, отве́тил:

— Так себе́, гуля́ю...

— Гм? — сно́ва фы́ркнула ры́ба. — А мо́жет быть, вы — уже́ уто́пленник?

— Вот ещё! — оби́женно кри́кнул ма́льчик. — Ниско́лько да́же! Я вот сейча́с вста́ну и...

Попрóбовал встать, а — не мо́жет: то́чно его́ тяжёлым одея́лом оку́тали — ни поворо́титься, ни пошевели́ться!

«Сейча́с я начну́ пла́кать», — подумал он, но то́т-
час же сообрази́л, что, плачь не плачь, — в воде́ слёз не ви́дно, и реши́л, что не сто́ит пла́кать, — мо́жет быть, ка́к-нибудь ина́че уда́стся вы́вернуться из э́той неприятной исто́рии.

А вокрúг — гóсподи! — собралóсь рáзных морскíх жíтелей — числа́ нет! На́ ногу взбира́ется голотúрия, похóжая на плóхо нарисóванного поросёнка, и шипít:

— Желáю с вáми познакóмиться побли́же...

Дрожит́ перед нóсом морскóй пузы́рь, дúется, пыхтít, — укоря́ет Евсéйку:

— Хоро́ш-хоро́ш! Ни рак, ни рýба, ни моллюск, ай-я-яй!

— Погодíte, я, мóжет, ещё́ авиáтором бúду, — говорít ему́ Евсéй, а на колéни его́ влез лангúст и, во́рочая глазáми на нíточках, ве́жливо спра́шивает:

— Позвóльте узнать, котóрый час?

Проплыла́ мíмо сéпия, совсём как мóкрый носо-во́й платóк; вездé мелька́ют сифонофóры, тóчно стек-ля́нные ша́рики, одно́ úхо щекóчет кревётка, дру-го́е — тóже щúпает ктó-то любопы́тный, да́же по голо-ве́ путеше́ствуют ма́ленькие рачкí, — запúтались в волосáх и дёргают их.

«Ой, ой, ой!» — воскликнул про себя́ Евсéйка, ста-ра́ясь смотре́ть на всё беззабóтно и лáсково, как па́па, когда́ он виновáт, а мамáша сёрдится на него́.

А вокрúг в водé повíсли рýбы — мнóжество! — повóдят тихóнько плавникáми и, вýtарацив на ма́ль-чика крúглые глазá, скúчные, как álгебра, бормóчут:

Как он мóжет жить на свéте без усóв и чешу́й?

Мы бы, рýбы, не могли́ бы раздвоить хвосты́ свой!

Не похóж он ни на ра́ка, ни на нас — весьма́ во мнóгом!

Не родня́ ли это́ чúдо безобразным осьминóгам?

«Дуры! — обиженно думает Евсейка. — У меня по русскому языку в прошлом году две четверки было...»

И делает такой вид, будто он ничего не слышит, даже хотел беззаботно посвистеть, но — оказалось — нельзя: вода лезет в рот, точно пробка.

А болтливая рыба всё спрашивает его:

— Нравится вам у нас?

— Нет... то есть — да, нравится... У меня дома... тоже очень хорошо, — ответил Евсей и снова испугался:

«Батюшки, что я говорю?! Вдруг она рассердится, и начнут они меня есть...»

Но вслух говорит:

— Давайте как-нибудь играть, а то мне скучно...

Это очень понравилось болтливой рыбе, она засмеялась, открыв круглый рот так, что стали видны розовые жабры, виляет хвостом, блестит острыми зубами и старушечьим голосом кричит:

— Это хорошо — поиграть! Это очень хорошо — поиграть!

— Поплывёмте навёрх! — предложил Евсей.

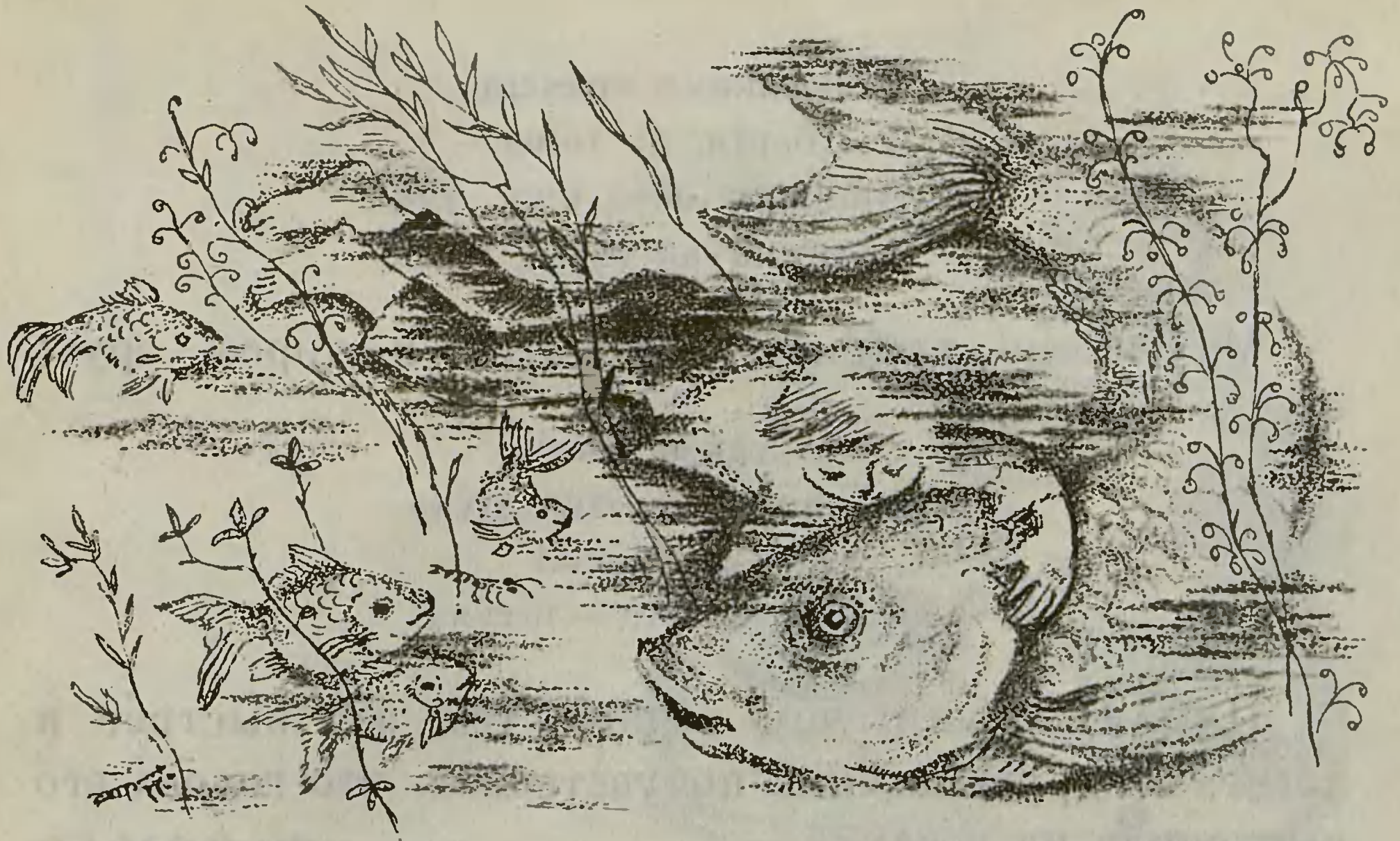
— Зачем? — спросила рыба.

— А вниз уже нельзя ведь! И там, наверху, — мухи.

— Мух-хи! Вы их любите?..

Евсей любил только маму, папу и мороженое, но ответил:

— Да...

— Ну что ж? Поплывём! — сказа́ла ры́ба, переверну́вшись голово́й вверх, а Евсе́й то́час цап её за жа́бры и кричи́т:

— Я — гото́в!

— Сто́йте! Вы, чу́дище, сли́шком засу́нули свои́ ла́пы в жа́бры мне...

— Ничего́!

— Как э́то — ничего́? Порядочная ры́ба не мо́жет жить не дыша́.

— Го́споди! — вскрича́л ма́льчик. — Ну что вы спо́рите все́? Играть так играть...

А сам ду́мает:

«Лишь бы то́лько она́ меня́ немно́жко подтащи́ла наве́рх, а там уже́ я вынырну».

Поплыла́ ры́ба, бу́дто танцу́я, и поёт во всю мочь:

Плавника́ми трепещá,
И зубáста, да тощá,
Пи́щи на обéд ищá,
Хóдит щу́ка вокруг лещá!

Ма́ленькие рыбёшки крúжатся и хóром ору́т:

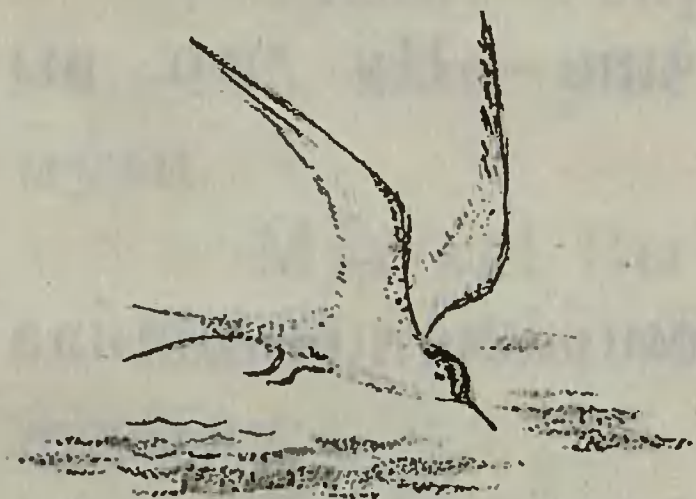
Вот так шту́ка!
Тщéтно тщítся щу́ка
Ущемíть лещá!
Вот так э́то — шту́ка!

Плы́ли, плы́ли, чем в́ыше — тем всё быстрее и лёгче, и вдруг Евсéйка почувствовал, что голова́ его в́ыскочила на вóздух.

— Ой!

Смо́трит — ясный день, со́лнце игра́ет на воде, зелёная вода́ заплёскивает на бе́рег, шумíт, поёт; Евсéйкино уди́лище пла́вает в мо́ре, далеко́ от бе́рега, а сам он сидíт на том же ка́мне, с кото́рого свали́лся, и уже́ весь сухóй!

— Ух, — сказа́л он, улыба́ясь со́лнцу, — вот я и в́ынырнул.

САМОВАР

Было это лётней ночью на даче.

В маленькой комнате стоял на столе у окна пузатый самовар и смотрел в небо, горячо распевая:

— Замечаете ли, чайник, что луна
Чрезвычайно в самовар влюблена?

Дело в том, что люди забыли прикрыть трубу самовара тушилкой и ушли, оставив чайник на конфорке; углей в самоваре было много, а воды мало — вот он и кипятился, хвастаясь пред всеми блеском своих медных боков.

Чайник был старенький, с трещиной на боку, и очень любил дразнить самовар. Он уж тоже начал закипать; это ему не нравилось, — вот он поднял рыльце кверху и шипит самовару, подзадоривая его:

— На тебя луна
Смóтрит свысока́,
Как на чудака́, —
Вот тебе́ и — на́!

Самова́р фы́ркает па́ром и ворчи́т:

— Во́все нет. Мы с ней — сосе́ди,
Да́же не́сколько родня́:
Оба сде́ланы из ме́ди!
Но она́ — тусклéй меня́,
Эта ры́жая лунíшка, —
Вон на ней каки́е пята́!
— Ах, како́й ты хвастунíшка,
Да́же слúшать неприятно! —

зашипéл чайник, то́же выпуска́я из ры́льца го-
рячий пар.

Этот ма́ленький самова́р и впра́вду о́чень люби́л
хва́статься; он счита́л себя́ умнице́й, красавце́м; ему́
давно́ уже́ хоте́лось, чтоб луну́ сняли с не́ба и сде́лали
из неё подно́с для него́.

Форси́сто фы́ркая, он бу́дто не слы́шал, что ска-
за́л ему́ чайник, — поёт себе́ во всю мочь:

— Фух, как я горя́ч!
Фух, как я могу́ч!
Захочу́ — прыгну́, как мяч,
На луну́ вы́ше туч!

А чайник шипíт своё:

— Вот извольте говорить
С эдакой особой.
Чем зря воду-то варить,
Ты — прыгни, попробуй!

Самовар до того раскалился, что посинел весь
и дрожит, гудит:

— Покиплю ещё немножко.
А когда наскучит мне, —
Сразу выпрыгну в окошко
И женюсь на луне!

Так они оба всё кипели и кипели, мешая спать
всем, кто был на столе. Чайник дразнит:

— Она тебя круглэй.
— Зато в ней нет углэй, —

отвечает самовар.

Синий сливочник, из которого вылили все сливки,
сказал пустой стеклянной сахарнице:

— Всё пустое, всё пустое!
Надоели эти двое!
— Да, их болтовня
Раздражает и меня, —

ответила сахарница сладеньким голосом. Она была
толстая, широкая и очень смешлива, а сливочник —
так себе: горбатенький господин унылого характера
с одной ручкой; он всегда говорил что-нибудь пе-
чальное.

— Ах, — сказа́л он, —

Всю́ду — пу́сто, всю́ду — су́хо,
В самова́ре, на луна́.

Са́харница, поёжившись, закрича́ла:

— А в меня залёзла му́ха
И щекóчет стéнки мне...
Ох, ох, я бою́сь,
Что сейча́с засмею́сь!
— Это бу́дет стра́нно —
Слы́шать смех сте́клянный... —

невёсело сказа́л сли́вочник.

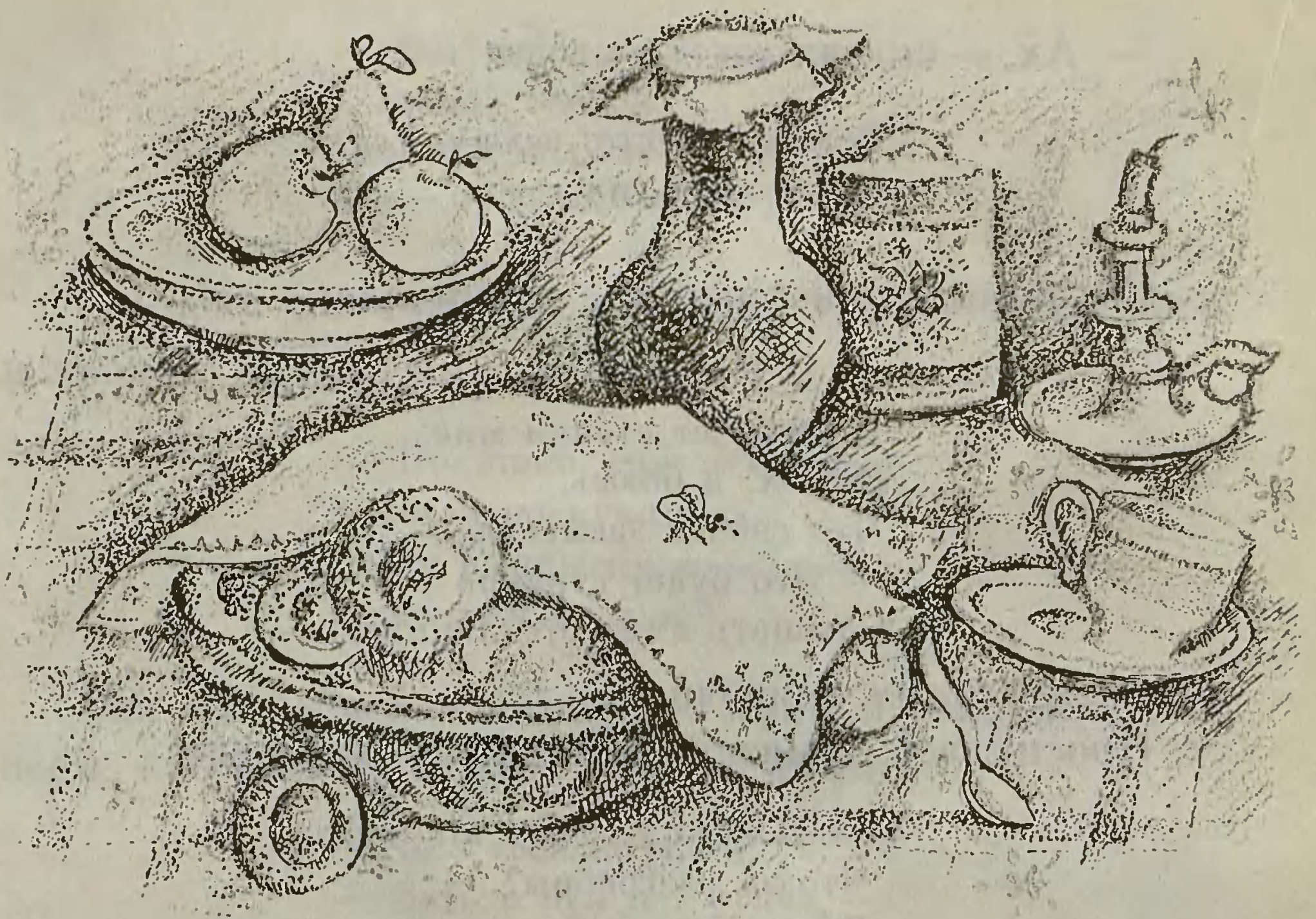
Просну́лась чума́зая туши́лка и зазвене́ла:

— Дзинь! Кто э́то шипи́т?
Что за разгово́ры?
Да́же кит но́чью спит,
А уж по́лночь ско́ро!

Но, взгляну́в на самова́р, испуга́лась и звени́т:

— Ай, лю́ди все ушли́
Спать и́ли шля́ться,
А ведь мой самова́р
Мо́жет распая́ться!
Как о́ни мо́гли забы́ть
Обо мне, туши́лке?
Ну, приде́тся им тепе́рь
Почеса́ть заты́лки!

Тут просну́лись ча́шки и дава́й дребезжа́ть:

— Мы скромные ча́шки,
Нам всё — всё равно!
Все э́ти зама́шки
Мы зна́ем давно́!
Нам ни хо́лодно, ни жа́рко,
Мы приви́кли ко всему́!
Хвасту́н самова́рко,
И не ве́рим мы ему́!

Заворча́л ча́йник:

— Ф-фу, как горячо́,
Жа́рко мне отча́йно.
Это не случа́йно,
Это чрезвычайна́ю!

И — лóпнул!

А самовáр чýвствовал себя совсём плóхо: вода в нём давнó вся вы́кипела, а он раскал́ился, кран у него отпая́лся и пов́ис, как нос у пьяного, одна́ рúчка тóже в́ывихнулась, но он всё ещё храбр́ился и гудёл, гля́дя на лунú:

— Ах, будь она́ ясн́ей,
Не пря́чься она́ днём,
Я подели́лся б с ней
Водо́ю и огнём!
Она́ со мной тогда́
Жила́ бы не скуча́я,

И шёл бы дождь всегда
Из чая!

Он уже почти не мог выговаривать слов и наклонялся набок, но всё ещё бормотал:

— А если днём она должна ложиться спать,
Чтоб по ночам светлей сияло её донце, —
Я мог бы на себя и днём и ночью взять
Обязанности солнца!

И света и тепла земле я больше дам,
Ведь я его и жарче и моложе!
Светить и ночь и день ему не по годам, —
А это так легко для медной розы!

Тушилка обрадовалась, катается по столу и звенит:

— Ах, это очень мило!
Это очень лестно —
Я бы солнце потушила!
Ах, как интересно!

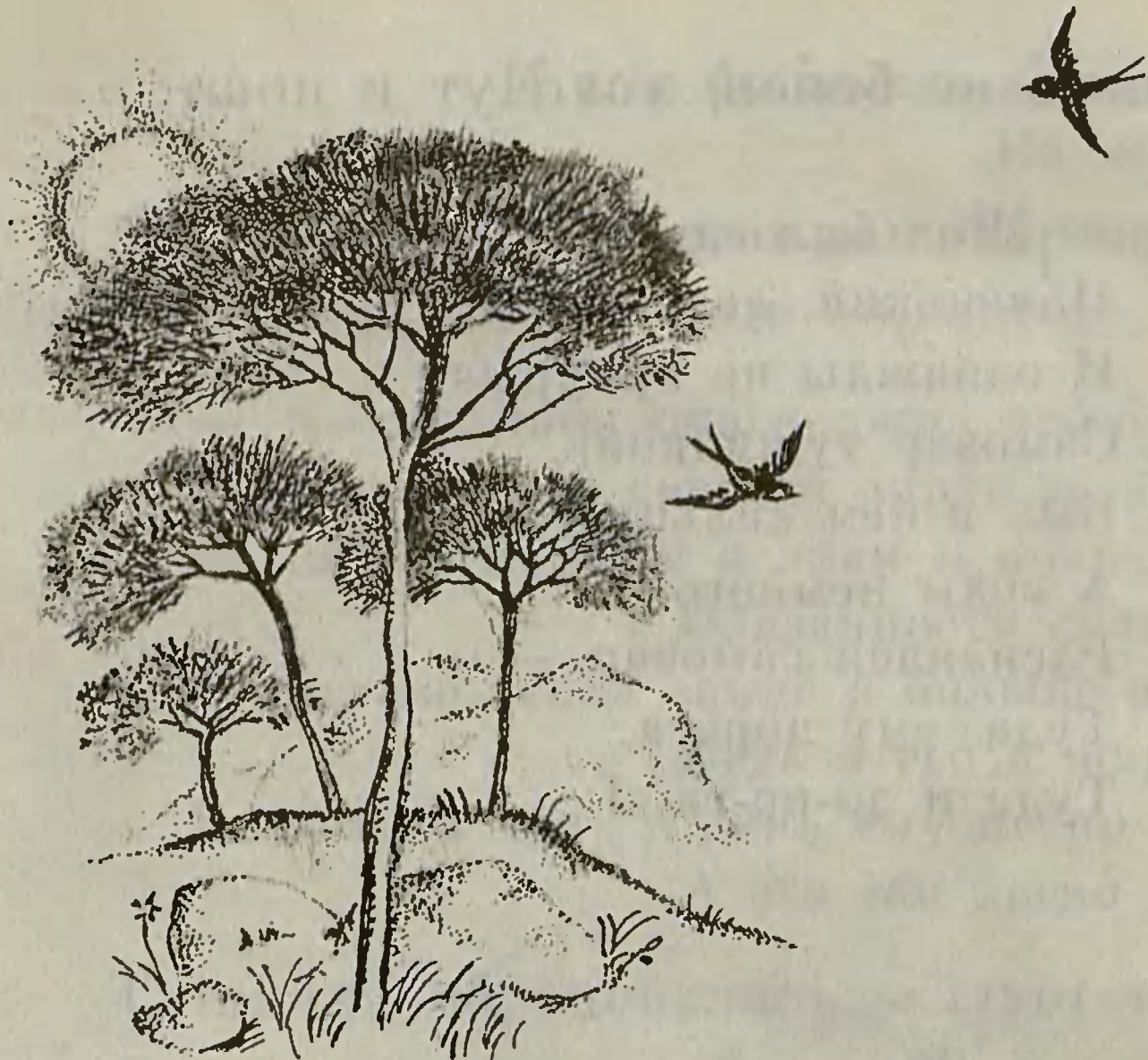
Но тут — крак! — развалился самовар на кусочки, кран клюкнулся в полоскательную чашку и разбил её, труба с крышкой высунулась вверх, покачалась-покачалась и упала набок, отколов ручку у сливочника; тушилка, испугавшись, откатилась на край стола и бормочет:

— Вот смотрите: люди вечно
Жалуются на судьбу,
А тушилку позабыли
Надеть на трубу!

А ча́шки, ничегó не бо́ясь, хохóчут и по́ют:

— Жил-был самовáр.
Мáленький, да пýлкий,
И одна́жды не прикрýли
Самовáр тушýлкой!
Был в нём сýльный жар,
А водý немно́го;
Распáлся самовáр, —
Тудá ему́ доро́га,
Тудá и до-ро́га-а!

УТРО

Сáмое лúчное в мíре — смотре́ть, как рожда́ется день!

В не́бе вспы́хнул пёрвый луч со́лнца — ночна́я тьма тихо́нько прýчется в ущелье гор и трéщины камне́й, прýчется в густо́й листве́ дере́вьев, в кружева́х травы́, окроплённой росо́ю, а верши́ны горы́ улыба́ются ла́сковой улы́бкой — то́чно говор́ят мя́гким те́ням но́чи:

— Не бо́йтесь — э́то со́лнце!

Во́лны мо́ря высоко́ поднима́ют бе́лые го́ловы, кла́няются со́лнцу, как придво́рные красáвицы сво́емú королю́, кла́няются и пою́т.

— Приве́тствуем вас, влады́ка мíра!

До́брое со́лнце смеётся: э́ти во́лны всю ночь, иѓрая, кружи́лись, кружи́лись, и тепе́рь о́ни такие рас-

трёпаные, их зелёные одежды измяты, бархатные шлейфы спутаны.

— Дóбрый день! — говорит сóлнце, поднимаясь над мóрем. — Дóбрый день, красáвицы! Но — довóльно, тíше! Дéтям невозмóжно бóдет купáться, ёсли вы не перестáнете так высокó прыгáть! Нáдо, чтóбы всем на землé бýло хорошó, не прáвда ли?

Из трéщин камнэй выбегáют зелёные ящерицы и, мигáя сóнными глázками, говорáют друг дрúжке:

— Сегóдня бóдет жáрко!

В жáркий день мýхи летáют лениво, ящерицам легкó ловить и есть их, а съестъ хорóшую мýху — ёто так приятно! Ящерицы — отчáянные лáкомки.

Отягощённые росóю, шаловливо покáчиваются цветý, тóчно дразнят и говорáют:

— Напишите-ка, сýдарь, о том, как мы красíвы ўтром, в убóре росы! Напишите-ка словáми мáленькие портреты цветóв! Попрóбуйте, ёто легкó — мы такíе простýе...

Хитрые штúчки онí! Превосхóдно знáют, что невозмóжно челóвеку описáть словáми их мíлую красотú, и — смеёутся!

Сняв почтíтельно шляпу, я говорóю им:

— Вы óчень любéзны! Благодарóю вас за честь, но — у меня сегóдня нет врёмени. Потóм, мóжет быть...

Онí гóрдо улыбаются, потягиваясь к сóлнцу, егó лучí горáют в кáплях росы, осыпáя лепесткí и лíстья блéском бриллиáнтов.

А над ними уже кружатся золотые пчелы и осы, кружатся, жадно пьют сладкий мёд, и в тёплом воздухе льётся их густая песня:

Благословенно солнце —
Радостный источник жизни!
Благословенна работа —
Для красоты земли!

Проснулись красногрудые малиновки; стоят, покачиваясь на тонких ножках, и тоже поют свою песню тихой радости — птицы лучше людей знают, как это хорошо — жить на земле! Малиновки всегда первые встречают солнце; в далёкой холодной России их называют «зорянками» за то, что перья на грудках этих птичек окрашены в цвет утренней зари. В кустах прыгают веселые чижы, — серенькие с жёлтым, они похожи на уличных детей, такие же озорники и так же неустанно кричат.

Гоняясь за мошками, мелькают ласточки и стрижи, точно чёрные стрелы, и звенят радостно и счастливо, — хорошо иметь быстрые, лёгкие крылья!

Вздрагивают ветви пиний — пинии похожи на огромные чаши, и кажется, что они налиты светом солнца, как золотистым вином.

Просыпаются люди, те, для которых вся жизнь — труд; просыпаются те, кто всю жизнь украшают, обогащают землю, но — от рождения до смерти остаются бедняками.

Почему?

Ты узнаешь об этом потом, когда будешь большой, если, конечно, захочешь узнать, а пока — умей любить солнце, источник всех радостей и сил, и будь весел, добр, как для всех одинаково доброе солнце.

Проснулись люди, и вот они идут на свои поля, к своему труду, — солнце смотрит на них и улыбается: оно лучше всех знает, сколько сделано людьми доброго на земле, оно когда-то видело её пустынной, а ныне вся земля покрыта великой работой людей — наших отцов, дедов, прадедов, — между серьезным и, куда, непонятным для детей, они сделали также и все игрушки, все приятные вещи на земле — синематограф, между прочим.

Ах, они́ превосходно рабóтали, на́ши прѣдки, есть за что любѣть и уважáть вели́кую рабóту, сде́ланную ими́ всю́ду вокрúг нас!

Над э́тим не мешáет подúмать, дѣти, — скáзка о том, как лю́ди рабóтали на землѣ, — са́мая инте́ресная скáзка ми́ра!..

На изгородях полѣй рде́ют рóзы, и всю́ду смею́тся цветы́; мно́гие из них уже́ увяда́ют, но все смóтрят в си́нее не́бо, на золотóе со́лнце; шелестя́т их ба́рхатные лепестки́, источа́я сла́дкий за́пах, и в во́здухе, голубóм, тёплом, по́лном благоухáний, тѣхо несётся ла́сковая пѣсня:

То, что краси́во, — краси́во,
Да́же когда́ увяда́ет;
То, что мы лю́бим, — мы лю́бим,
Да́же когда́ умира́ем...

День пришёл!

До́брый день, дѣти, и пусть в жи́зни ва́шей бу́дет мно́жество до́брых дней!

Я скúчно написа́л э́то?

Ничего́ не поде́лаешь: когда́ ребѣнку ми́нет со́рок лет — он стано́вится немно́жко скúчен.

МИША

Миша был мальчик-непоседа, ему всегда хотелось что-нибудь делать, и, если его не отпускали гулять, он целый день вертелся, как волчок, под ногами взрослых.

Каждому мальчику и девочке хорошо известно, что взрослые — народ, всегда занятый какими-то скучными делами, поэтому они ужасно часто говорят маленьким:

«Не мешайте!»

Мише особенно часто приходилось слышать это слово и от мамы, которая вечно была занята делами, и от папы, который целые дни сидел у себя в кабинете, сочиняя разные книжки, очень большие и должно быть, скучные, — Мише не давали читать эти книжки.

Ма́ма была́ о́чень хоро́шая, то́чно ку́колка, и па́па то́же, но он был похо́ж не на ку́клу, а на инде́йца.

Вот одна́жды перед весно́й, когда пого́да испо́ртилась, ка́ждый день шёл дождь и снег, гуля́ть бы́ло нельзя́ и Ми́ша о́собенно усе́рдно меша́л па́пе с ма́мой занима́ться дела́ми, па́па спроси́л его́:

— Слу́шай, Ми́ша, тебе́ о́чень ску́чно?

— Как арифме́тика! — сказа́л Ми́ша.

— Ну, возьми́ вот э́ту тетра́дку и запи́сывай в неё всё интере́сное, что с тобо́й случи́тся, понима́ешь? Это называ́ется: «дневни́к». Ты бу́дешь вести́ дневни́к!

Ми́ша взял тетра́дку и спроси́л:

— А что случи́тся интере́сное?

— Я же не зна́ю! — сказа́л па́па, заку́ривая па́пиро́ску.

— А почему́ не зна́ешь?

— Потому́ что когда́ я был ма́ленький, то пло́хо учи́лся и ко всем пристава́л с глупы́ми вопро́сами, а сам ни о чём не ду́мал, — по́нял? Ну, иди́!

Ми́ша по́нял, что па́па намека́ет на него́ и не жела́ет говори́ть с ним; он хоте́л оби́даться, Ми́ша, да уж о́чень хоро́шие глаза́ бы́ли у па́пы. Он то́лько спроси́л:

— А кто бу́дет де́лать интере́сное?

— Ты сам, — отве́тил па́па. — Уходи́, пожа́луйста, не меша́й!

Ми́ша ушёл в свою́ ко́мнату, разложи́л тетра́дку на столе́ и, подума́в, написа́л на пе́рвой страни́це:

«Ето дневнѣикъ.

Папа далъ мнѣ хѳршую тетрадку. Если я бѳду писать въ неѳ что хочѳ, такъ бѳдетъ интересное».

Написалъ, посидѣлъ немножко, осмотрѣлъ комнату, — всѳ въ ней такѳе знакомое.

Онъ всталъ и отправился къ папе. Папа встрѣтилъ его нелюбезно.

— Ты, братъ, опяты явился?

— Смотри, — сказалъ Миша, подавая тетрадку, — вотъ я ужъ написалъ. Такъ надо?

— Такъ, такъ, — торопливо сказалъ папа. — Только «это» пишется черезъ «э», и не «хѳршую», а «хѳрѳшую», — иди!

— А что надо еще писать? — спросилъ Миша, подумавъ.

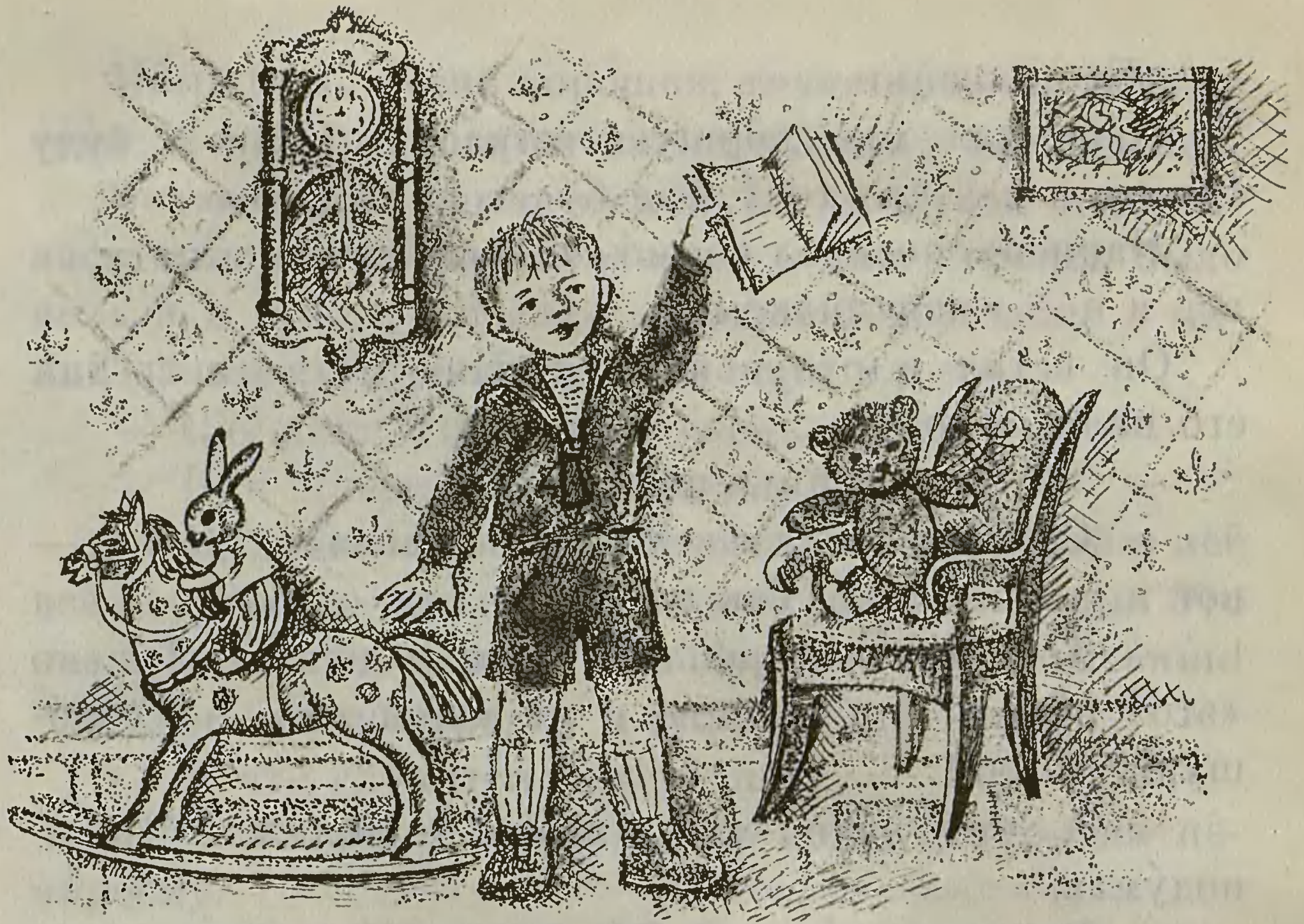
— Всѳ, что хочешь! Вѳдумай что-нибудь и пиши... стихи пиши!

— Котѳрые стихи?

— Не котѳрые, а самъ сочини! Отстань, приставаала!

Папа взялъ его за руку, вывелъ за дверь и плотно закрылъ ее. Это ужъ было невежливо, и теперь Миша обѳделся. Придя къ себѣ, онъ снова селъ за столъ, развернулъ тетрадь и сталъ думать: «И чего бы еще написать?» Было скучно. Мама считаетъ белье въ столовой; въ кухню, где всегда интересно, не велѳтъ ходить, а на улице — дождь и туманъ.

Было утро, четверть десятого, Миша посмотрѣлъ на часы и вдругъ тихонько усмехнулся, а потомъ написалъ:

На стене висят часы,
У них стрелки, как усы.

Он очень обрадовался, что у него вышли стихи; вскочил и побежал в столовую, крича:

— Мама, мама, я стихи сочинил, смотри-ка!

— Девять, — сказала мама, перекладывая салфетки. — Не мешай. Десять, одиннадцать...

Миша обнял её одной рукой за шею, а другой поднёс тетрадку прямо к носу ей.

— Да мама же! Ты посмотри...

— Двенадцать, — о, господи! Ты меня свалишь на пол...

Она всё-таки взяла тетрадку, прочитала стихи и огорчила Мишу, сказав:

— Ну, это, наверное, папа тебе подсказал, а во-вторых, «на стенё» пишется через ять¹ в обоих случаях.

— И в стихах через ять? — печально спросил Миша.

— Да, да, в стихах, — не мешай мне, пожалуйста; иди, занимайся!

— Чем?

— Ах! Ну, пиши стихи дальше...

— А как надобно дальше?

— Придумай сам. Ну, висят часы, они тикают звучно... и ещё что-нибудь, вот и будут стихи.

— Хорошо, — сказал Миша и покорно ушёл к себе. Там он написал о часах мамыны слова:

Часы тикают звучно,
но дальше ничего не мог придумать, а уж как старался, даже подбородок себе выпачкал чернилами, не только пальцы.

И вдруг, — как будто кто-то подсказал ему, — он придумал четвертую строчку:

А мне всё-таки скучно!

Это правда: Мише было очень скучно, но когда он написал четвертую строчку, то ему от радости даже жарко стало.

¹ Ять — название буквы «Ъ», обозначающей особый звук, впоследствии совпавший с «е».

Он вскочил и стремглав помчался к папе, но папа — хитрый человек! — запер дверь кабинета. Миша постучал.

— Кто там? — спросил папа из-за двери.

— Открой скорее, — горячо сказал Миша, — это я. Я стихи написал, очень ловко.

— Поздравляю, продолжай, — пробормотал папа.

— Так я хочу прочитать тебе!

— После прочитаешь...

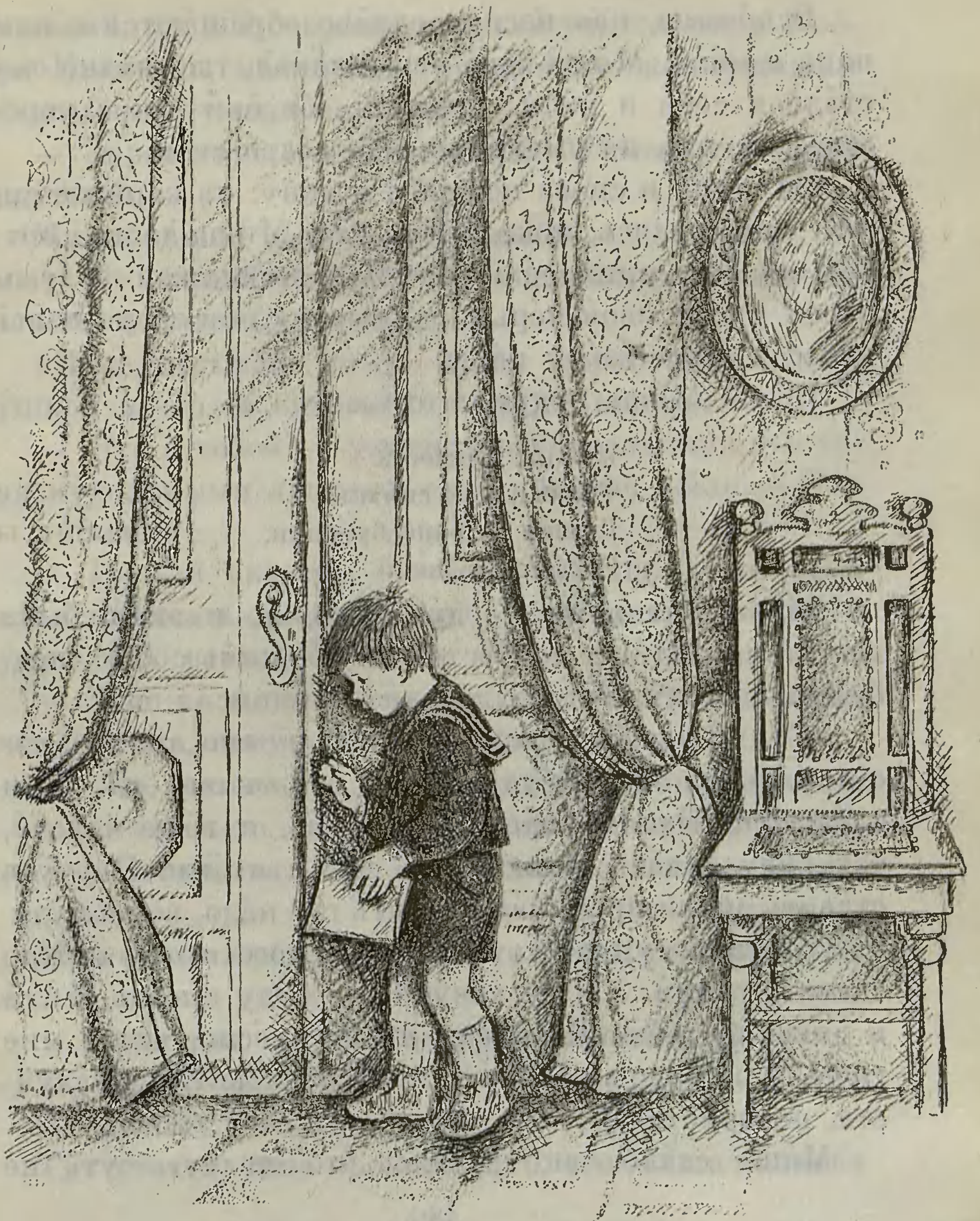
— Я сейчас хочу!

— Мишка, отстань!

Миша наклонился к скважине дверного замка и прочитал стихи, но вышло так, как будто он в колодец кричал, — папа не ответил ему.

Это окончательно обидело Мишу, он снова тихонько ушёл в свою комнату, минуту постоял у окна, прижав лоб к холодному стеклу, а потом сел за стол и начал писать то, что думал.

«Папа обманул меня, что если писать дневник, так будет интересно, — ничего не будет. Это он, чтобы я ему не мешал. Уж я знаю. Когда мама сердится, он называет маму злая курица, а сам тоже. Вчера я играл в кегли его серебряным портсигаром, так он рассердился получше мамы. А сам говорит. Они оба такие. Когда Нина Петровна, которая поёт, разбила чашку, так они сказали: это ничего и пустяки, а когда я чего-нибудь разбиваю, так они говорят сто слов».

Вспомнив, как несправедливо обращаются с ним папа и мама, Миша едва не заплакал, так жалко ему стало и себя и папу с мамой; оба они такие хорошие, а с ним не умеют хорошо вести себя.

Он встал и снова подошёл к окну: на карнизе сидел, ощипываясь, мокрый воробей. Миша долго смотрел, как он прихорашивается, разглаживая жёлтым носом русые свои перья, около носа они заершились у него, точно усы у папы.

Потом Миша подумал стихами:

Ножки у птички
Тонкие, как спички.
Глазки — точно бусинки,
Русенькие усики.

Дальше стихами не думалось, но и этого было достаточно. Миша почувствовал гордость собою, побежал к столу, записал стихи и приписал ещё:

«Стихи писать очень просто, нужно только посмотреть на что-нибудь, вот и всё, а они уж сами сложатся. Пускай папа не форсит, я тоже захочу, так буду писать книжки, да ещё стихами. Научусь ставить знаки препинания и ять где надо, вот и буду. Рама, мама, упряма, дама. Из этого тоже можно сделать стихи, а я не хочу. Я не буду писать стихи и дневник тоже. Если вам не интересно, так и мне тоже, и не надо заставлять меня писать. И, пожалуйста, не приставайте ко мне».

Мише стало так грустно, что он чуть-чуть не

запла́кал, но в э́то вре́мя пришла́ учи́тельница Ксе́-
ния Ива́новна, ма́ленькая, румя́ная, с жемчу́жными
ка́пельками тумана́ на бровя́х.

— Здра́вствуй, — сказа́ла она́. — Отчегó ты тако́й
наду́тый?

Ми́ша ва́жно нахму́рил бро́ви.

— Не меша́йте мне! — проговори́л он па́пиным
го́лосом и написа́л в тетра́дке:

«Па́па называ́ет учи́тельницу курно́сенькой дев-
чу́шкой и что ей ещё́ на́до в ку́клы игра́ть».

— Что с тобо́й? — удиви́лась учи́тельница, расти-
ра́я ку́кольными ла́пками свои́ ро́зовые ще́ки. — Что
ты пи́шешь?

— Нельзя́ сказа́ть, — отве́тил Ми́ша. — Это па́па
велел написа́ть дневни́к и всё интере́сное, о чём я
ду́маю. Обо всём.

— Что же ты придумал интере́сного? — спроси́ла
учи́тельница, загляну́в в тетра́дку.

— Ещё́ ничегó нет, то́лько стихи́, — сказа́л Ми́ша.

— Оши́бок-то, оши́бок! — воскли́кнула учи́тель-
ница. — Стихи́, да. Ну, э́то, коне́чно, па́па сочи́л,
а не ты...

Ми́ша сно́ва оби́делся: что тако́е? Никто́ не ве́рит
ему́! И сказа́л учи́тельнице:

— Если так, тогда́ я не бу́ду занима́ться!

— Это почему́?

— Потому́, что не бу́ду!

Тут учи́тельница прочита́ла то, что Ми́ша написа́л

о ней, покраснела, взглянула в зеркало и тоже обиделась:

— Ах ты, и про меня написал, вот как! Это правда, что папа говорит?

— Вы думаете, он вас боится? — спросил Миша.

Учительница подумала, ещё раз взглянула в зеркало и сказала:

— Так не хочешь заниматься?

— Нет.

— Хорошо. Пойду спрошу, как посмотрит на это мама.

Она ушла.

Миша посмотрел вслед ей и стал писать:

«Я накапризничал Ксении Ивановне, как мама папе, пусть она не пристаёт и не мешает. Если меня никто не любит, то всё равно. Потом я извинюсь перед учительницей и тоже запишу в тетрадку. И буду писать целый день, как папа, и никто меня не увидит. И обедать не буду никогда, даже когда на сладкое печёные яблоки. Не буду ночью спать, всё пишу-пишу, и пусть мама утром говорит мне, как папе, что я изведусь и у меня будут нервы. И плачет. А мне всё равно. Если меня никто не любит, так уж всё равно».

Он едва успел дописать, как в комнату вошла мама с Ксенией Ивановной; мама молча взяла у него тетрадку, и её милые глаза, улыбаясь, стали читать Мишины мысли.

— Гóсподи, — тихóнько воскликнула она́. — Ах, какóй... Нет, э́то ну́жно показáть отцú!

Она́ ушла́ с тетра́дкой в рука́х.

«Нака́жут!» — подúмал Мíша и спросíл учíteльницу:

— Ная́бедничали?

— Но э́сли ты не слúшаешься...

— Я не ло́шадь, чтóбы слúшаться...

— Мíша! — вскрича́ла учíteльница, но Мíша серди́то продолжа́л:

— Я не могу́ учíteься и дúмать обо всём и всё записыва́ть...

Он мог бы сказа́ть ещё́ мно́гое, но вошла́ го́рничная и сказа́ла, что его́ зовёт па́па.

— Слу́шай-ка, брат! — заговори́л па́па, приде́рживая ладо́нью усы́, чтóбы они́ не шевели́лись, а в друго́й руке́ зажа́в Мíшину тетра́дку, — поди́-ка сюда́!

Па́пины се́рые глаза́ свети́лись ве́село, а ма́ма лежа́ла на дива́не, уткну́в го́лову в кúчу ма́леньких поду́шек, и плéчи её́ дрожа́ли, как бúдто она́ смея́лась.

«Не нака́жут», — догада́лся Мíша.

Па́па поста́вил его́ перед собо́й, сжал колéнями и, приподня́в па́льцем Мíшин подборóдок, спросíл:

— Ты капри́зничаете́шь, да?

— Да, капри́зничаете́шь, — созна́лся Мíша.

— А заче́м э́то?

— Так.

— Ну, всё-таки заче́м?

— Да я не знаю, — сказал Мíша, подумав. — Ты не обращаешь на меня внимания, ма́ма то́же не обращает и учи́тельница то́же... нет, она́ не то́же, — она́ пристаёт!

— Ты обиделся? — тихо́нько спроси́л па́па.

— Ну да, обиделся, коне́чно...

— А ты не обижа́йся! — дру́жески посоветовал па́па. — Это не я тебя́ обижа́ю и не ма́ма, — ви́дишь она́ хохо́чет тихо́нько, валя́ясь на дива́не? И мне то́же смешно́, да я уж пото́м похохо́чю...

— А почему́ смешно́? — спроси́л Мíша.

— Я тебе́ скажу́ почему́, то́лько по́сле.

— Нет, почему́? — наста́ивал Мíша.

— Да, ви́дишь ли, ты у нас о́чень смешно́й!

— Ну-у, — недове́рчиво сказа́л Мíша.

Па́па посади́л его́ на колéни себе́ и сказа́л, пощекота́в за́ ухом:

— Дава́й говори́ть серьёзно, ла́дно?

— Ла́дно, — согласи́лся Мíша и нахму́рил брóви.

— Никто́ тебя́ не обижа́л, э́то плоха́я пого́да обижа́ет тебя́, по́нял? Была́ бы хоро́шая пого́да, со́лнце, весна́, ты бы гуля́л, и всё бы́ло бы хорошо́! А в дневни́ке ты чепуху́ написа́л...

— Сам велéл, — сказа́л Мíша, пожимáя плеча́ми.

— Ну, брат, чепуху́ писа́ть я тебя́ не проси́л!

— Мо́жет, не проси́л, — согласи́лся Мíша. —

Я уж не по́мню. А у меня́ чепуха́ вы́шла?

— Вы́шла, брат! — сказа́л па́па, качáя голово́й.

— А у тебя, когда ты пишешь, тоже чепуха выходит? — спросил Миша.

Мама вскочила с дивана и убежала, точно у неё кофе перекипел, она даже зафыркала, как фыркает кипящий кофейник. Миша понял, что это она смеётся, но только не хочет показать, что ей смешно.

Эти взрослые — тоже порядочные притворяшки.

Папе тоже хотелось смеяться, он надул щёки до красна, оцетинил усы и фыркнул носом.

— У меня, — сказал он, — тоже иногда чепуха выходит. Это очень трудно — писать, чтобы всё было хорошо и правдиво. Стишки ты придумал неплохо, а всё остальное не годится.

— Почему? — спросил Миша.

— Сердце очень. Ты у меня — критик, а я не знал этого, — ты всех критикуешь. Это нужно начинать с себя самого, ты сначала себя хорошенько раскритикуй. А то и этого не надо, давай лучше бросим писать дневник.

Раскрашивая красным и синим карандашом папину бумагу, Миша сказал:

— Давай бросим, а то это тоже скучно, как учиться. Только ты сам ведь придумал это, — ты сказал: «Пиши, будет интересно». Я и стал писать, а ничего не случилось. Слушай-ка, можно сегодня не учиться?

— Почему? — спросил папа.

— Я лучше почитаю с Ксенией Ивановной.

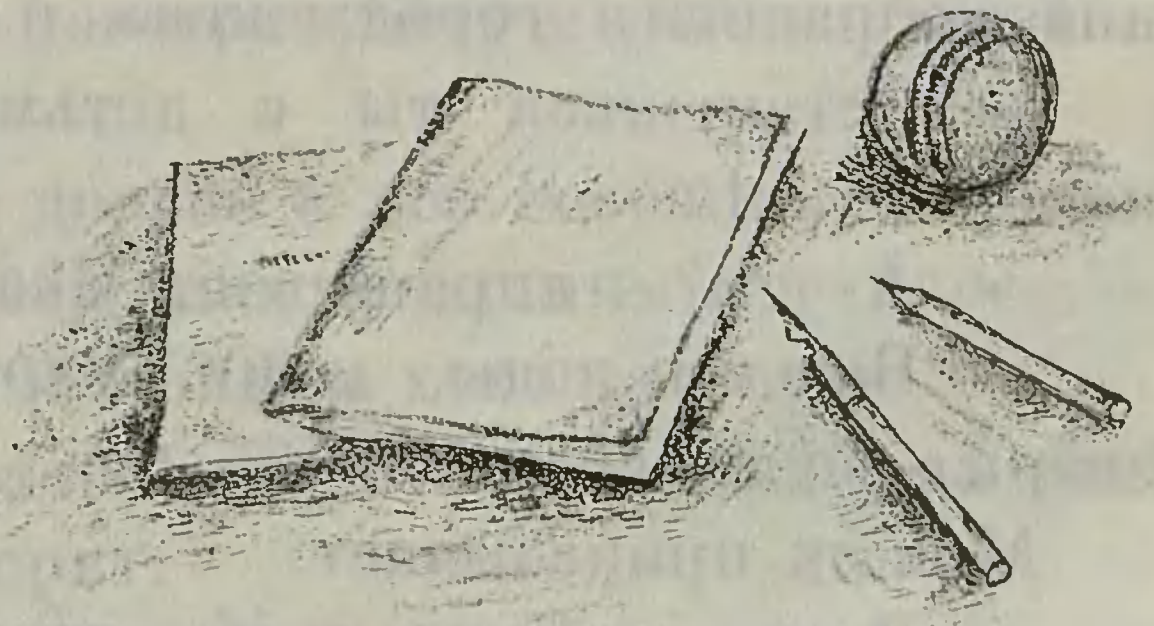
— Мόжно не уч́иться, — в́есело соглас́ился па́па. — Тόлько нам с тобо́й на́добно изви́ниться перед уч́ительницей, а то мы наговор́или и напис́али про неё не... ла́дно!

Па́па встал и, ведя́ М́ишу за́ руку в его́ ко́мнату, тихо́нько сказа́л:

— Кон́ечно, э́то пра́вда, что она́ немно́жко курно́сенькая, но лу́чше не напомина́ть ей об э́том. Э́того, брат, не испра́вишь слова́ми, и нос на всю жизнь даётся тот и́ли ино́й. Вот у теб́я весну́шки на носу́ и по всей ро́жице, — ла́дно ли бу́дет, е́сли я теб́я ста́ну звать пёстреньким?

— Нелáдно, — согласи́лся М́иша.

На э́том и конча́ется благополúчная исто́рия о том, как М́иша пис́ал дневни́к.

ПРО ИВАНУШКУ-ДУРАЧКА

Жил-был Ива́нушка-дурачо́к, собо́ю красáвец, а что ни сде́лает, всё у него́ смешно́ выхо́дит, не так, как у люде́й.

На́нял его́ в рабо́тники оди́н мужи́к, а сам с же́но́й собра́лся в го́род; же́на́ и говори́т Ива́нушке:

— Оста́нешься ты с детьмí, гляди́ за ни́ми, накорми́ их!

— А чем? — спра́шивает Ива́нушка.

— Возьми́ воды́, муки́, карто́шки, покроши́ да сварí — бу́дет похле́бка.

Мужи́к прика́зывает:

— Дверь стереги́, что́бы де́ти в лес не убежа́ли!

Уе́хал мужи́к с же́но́й; Ива́нушка влез на пола́ти, разбудíл дете́й, стащи́л их на́ пол, сам сел сза́ди их и говори́т:

— Ну вот, я гляжѹ за ва́ми!

Посидѣли дѣти нѣкоторое вре́мя на полу́, — за-проси́ли есть; Ива́нушка втащи́л в избѹ ка́дку во́ды, насы́пал в неё полмешка́ муки́, ме́ру карто́шки, разболта́л всё коромы́слом и ду́мает вслух:

— А кого́ кроши́ть на́до?

Услыха́ли дѣти — испуга́лись:

— Он, пожа́луй, нас искро́шит!

И тихо́нько убежа́ли вон из избѹ.

Ива́нушка посмотре́л вслед им, почеса́л заты́лок, — сообража́ет:

— Как же я тепе́рь гляде́ть за ни́ми бу́ду? Да ещё дверь на́до стере́чь, чтобы́ она́ не убежа́ла!

Загляну́л в каду́шку и говори́т:

— Варись, похле́бка, а я пойду́ за детьми́ гляде́ть!

Снял дверь с пѣтель, взвали́л её на́ плечи себе́ и поше́л в лес; вдруг навстрѣ́чу ему́ медве́дь шага́ет — удиви́лся, рычи́т:

— Эй, ты, заче́м де́рево в лес несёшь?

Рассказа́л ему́ Ива́нушка, что с ним случи́лось, — медве́дь сел на за́дние ла́пы и хохочет:

— Экой ты дурачо́к! Вот я тебя́ съем за э́то!

А Ива́нушка говори́т:

— Ты лу́чше дете́й съешь, чтоб они́ в друго́й раз отца́-ма́тери слѹшались, в лес не бе́гали!

Медве́дь ещё сильне́й смеётся, так и ката́ется по земле́ со́ смеху!

— Никогда́ тако́го глупо́го не ви́дал! Пои́дём, я теб́я́ же́не́ сво́ей пока́жy!

Повёл его́ к себ́е в берло́гу. Ива́нушка идёт, дв́ерью за со́сны задева́ет.

— Да брось ты её! — говори́т медве́дь.

— Нет, я сво́емy сло́ву ве́рен: обеща́л сбере́чь, так уж устерегy!

Пришли́ в берло́гу. Медве́дь говори́т же́не́:

— Гляди́, Ма́ша, како́го я теб́е дурачка́ привёл! Смехота́!

А Ива́нушка спра́шивает медве́дицу:

— Тётя, не ви́дала ребя́тишек?

— Мои́ — до́ма, спят.

— Ну́-ка, покажи́, не мои́ ли э́то?

Показа́ла ему́ медве́дица трёх медвежа́т; он говори́т:

— Не э́ти, у меня́ дво́е бы́ло.

Тут и медве́дица ви́дит, что он глупенький, то́же смеётся:

— Да ведь у теб́я́ челове́чьи де́ти бы́ли!

— Ну да, — сказа́л Ива́нушка, — разберёшь их, ма́леньких-то, како́е чьи!

— Вот забавный! — удиви́лась медве́дица и говори́т му́жу:

— Миха́йло Пота́пыч, не ста́нем его́ есть, пусть он у нас в рабо́тниках живёт!

— Ла́дно, — согласи́лся медве́дь, — он хоть и челове́к, да уж бо́льно безобидный!

Дала́ медвѣдица Ива́нушке луко́шко, прика́зывает:

— Поди́-ка набери́ мали́ны лесно́й, — дети́шки просну́тся, я их вку́сненьким угощу́!

— Ла́дно, э́то я могу́! — сказа́л Ива́нушка. — А вы дверь постереги́те!

Пошёл Ива́нушка в лесно́й мали́нник, набра́л мали́ны по́лное луко́шко, сам до́сыта нае́лся, идёт наза́д к медвѣ́дям и поёт во всё го́рло:

Эх, как нелóвки
Бо́жии корóвки!
То ли де́ло — муравьи́
Или ящерицы!

Пришёл в берло́гу, кричи́т:

— Вот она́, мали́на!

Медвежа́та подбежа́ли к луко́шку, рыча́т, толка́ют друг дру́га, кувырка́ются, — о́чень ра́ды!

А Ива́нушка, глядя́ на них, говори́т:

— Эхма́, жаль, что я не медвѣ́дь, а то и у меня́ де́ти бы́ли бы.

Медвѣ́дь с жено́й хохóчут.

— Ой, ба́тюшки мой! — рычи́т медвѣ́дь. — Да с ним жить нельзя́, со́ смеху помрёшь!

— Вот что, — говори́т Ива́нушка, — вы тут постереги́те дверь, а я пойду́ ребя́тишек иска́ть, не то хозя́ин зада́ст мне!

А медвѣдица про́сит му́жа:

— Ми́ша, ты бы помо́г ему́!

— На́до помо́чь, — согласи́лся медве́дь, — уж
о́чень он смешно́й!

Поше́л медве́дь с Ива́нушкой лесны́ми трóпами,
иду́т — разгово́ривают по-приятельски.

— Ну и глúпый же ты! — удиви́ается медве́дь,
а Ива́нушка спра́шивает его́:

— А ты — у́мный?

— Я-то?

— Ну да!

— Не зна́ю.

— И я не зна́ю. Ты — злой?

— Нет. За́чем?

— А по-мо́ему — кто зол, тот и глуп. Я вот то́же
не злой. Ста́ло быть, о́ба мы с тобо́й не дураки́ бу́дем.

— Ишь ты, как вѣвел! — удивился медведь.

Вдруг — видят: сидят под кустом двое детей, уснули.

Медведь спрашивает:

— Это твой, что ли?

— Не знаю, — говорит Иванушка, — надо спросить. Мой — есть хотели.

Разбудили детей, спрашивают:

— Хотите есть?

Те кричат:

— Давно хотим!

— Ну, — сказал Иванушка, — значит, это и есть мой! Теперь я поведу их в деревню, а ты, дядя, принеси, пожалуйста, дверь, а то самому мне некогда, мне ещё надо похлёбку варить!

— Уж ладно! — сказал медведь. — Принесу!

Идёт Иванушка сзади детей, смотрит за ними, как ему приказано, а сам поёт:

Эх, вот так чудеса!

Жуки ловят зайца.

Под кустом сидит лиса,

Очень удивляется!

Пришёл в избу, а уж хозяйева из города воротились, видят: посреди избы кадúшка стоит, доверху водо́й налита, картошкой насыпана да муко́й, детей нет, дверь тоже пропала, — сели они на лавку и плачут горько.

— О чём плачете? — спросил Иванушка.

Тут увидели они детей, обрадовались, обнимают их, а Иванушку спрашивают, показывая на его стряпню в кадке:

— Это чего ты надёлал?

— Похлёбку!

— Да разве так надо?

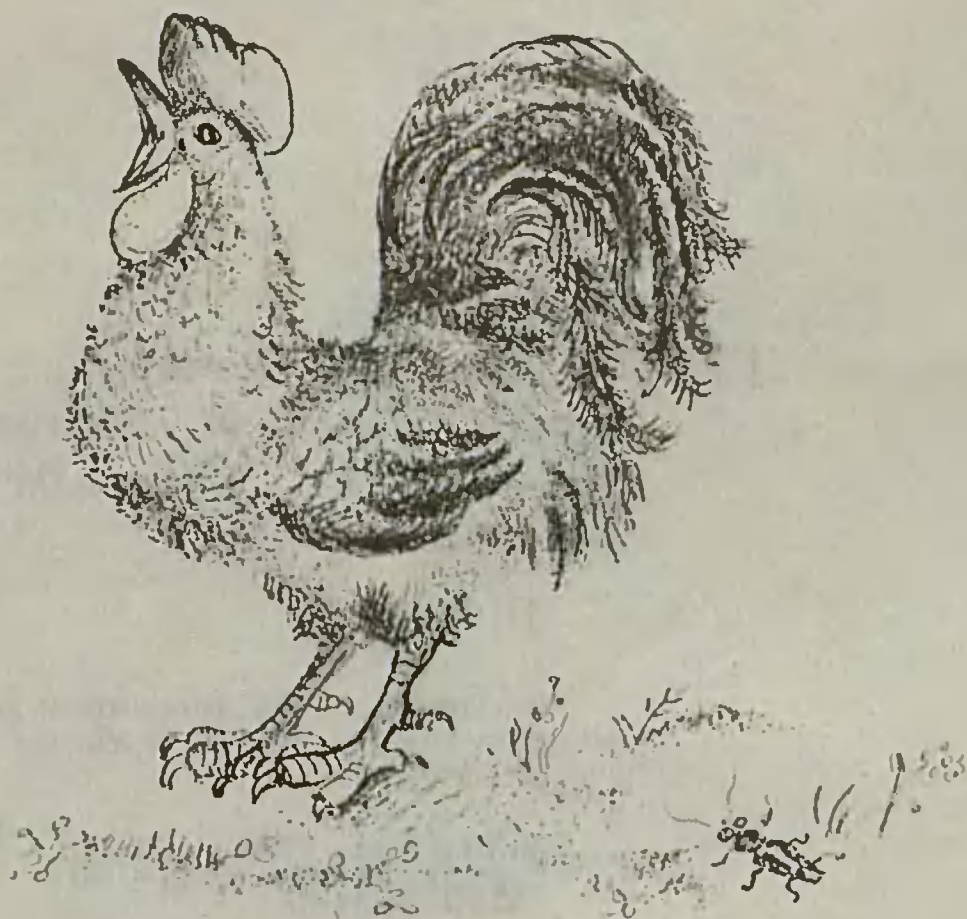
— А я почему знаю — как?

— А дверь куда девалась?

— Сейчас её принесут, — вот она!

Выглянули хозяева в окно, а по улице идёт медведь, дверь тащит, народ от него во все стороны бежит, на крыши лезут, на деревья; собаки испугались — завязли, со страху, в плетнях, под воротами; только один рыжий петух храбро стоит среди улицы и кричит на медведя:

— Кину в реку-у!..

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Владимир Приходько</i> «Милый Максим Горький... пришли мне сказку...»	3
Воробьишко	13
Случай с Евсейкой	18
Самовар	27
Утро	36
Миша	41
Про Иванушку-дурачка	56

Горький М.

Г71 Жил-был самовар...: Рассказы, сказки/Сост. и вступ. статья В. Приходько; Рис. Л. Гармызы.— М.: Дет. лит., 1985.—64 с. ил. (Школьная б-ка для нерусских школ.).

10 коп.

В сборник вошли рассказы и сказки, написанные для детей и о детях: «Воробьишко», «Случай с Евсейкой», «Самовар», «Утро», «Миша», «Про Иванушку-дурачка».

Г 4803010101—039 225—85
М101(03)85

Р2

М

1002
~~10~~ коп.

- ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Максим Горький

ЖИЛ-БЫЛ САМОВАР...

ИБ № 7990

Ответственный редактор *Г. В. Кузнецова*. Художественный редактор *И. Г. Найденова*. Технический редактор *М. В. Гагарина*. Корректор *Л. М. Письман*. Подписано к печати с готовых диапозитивов 10.12.84. Формат 70×90¹/₁₆. Бум. офс. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,68. Усл. кр.-отт. 5,27. Уч.-изд. л. 2,68. Тираж 150000 экз. Заказ № 110. Цена 10 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

